

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

ВЕРТИКАЛЬ БЕССИЛИЯ

*Эта власть правит в
стране, где нет власти.*

А. Проханов

Второй раз в году московское метро опустело в августе. Следом обезлюдели улицы. В те дни затянутая дымом торфяных пожаров столица напоминала вымороченный чумою город.

Радио, ставшее основным источником новостей (ТВ с клиническим равнодушием гнало “мыльные оперы” и ток-шоу), сообщало апокалиптические подробности. В охваченных огнем районах сгорело более полусотни человек. Смертность возросла и в Москве. В два раза – по официальным данным департамента здравоохранения столицы (“Коммерсантъ-FM”, 09.08.2010). В четыре – по подсчетам независимых экспертов (“Бизнес-FM”, 11.08.2010). Утверждали, что в моргах покойников ставили стоймя – не хватало места (“Эхо Москвы”, 08.08.2010).

Под угрозой оказалось здоровье миллионов людей. Невозможно предугадать, какими болячками аукнется дымное лето-2010, когда каждый день в воздух выбрасывался 1 миллион тонн (!) угарного газа (“Эхо Москвы”, 08.08.2010).

Газетчики раскопали отчет хабаровских медиков о последствиях лесных пожаров в Приамурье в 1998 году – единственное, как сообщалось, исследование такого рода. Цитирую: “...У беременных женщин на 8% увеличилось количество самопроизвольных выкидышей, в 1,5 раза выросло количество “замерших” беременностей...” (“Московская правда”, 03.08.2010). К сожалению, статистика по другим группам населения в материале не приведена.

Колоссальный ущерб нанесен экологии. Очевидцы рассказывали, что птицы замертво падали от жара, рыба гибла в перегретых водоемах. Выгорело 10 млн гектаров леса, в том числе в самых перенаселенных областях – Московской, Нижегородской, Воронежской. Они и так задыхались от недостатка свежего воздуха. Теперь дышать станет еще труднее.

Чудом удалось предотвратить катастрофы поистине вселенского масштаба. Огонь подступал к ядерным центрам – Сарову, Снеженску, а также к Нововоронежской АЭС. После сообщения о том, что пожар бушует уже в промышленной зоне Сарова, в город срочно вылетел глава Росатома С. Кириенко, чтобы на месте руководить борьбой с огнем.

* Продолжение. Начало в № 7, 8 за 2010 год.

Огромны экономические потери. По некоторым оценкам, катаклизмы лета-2010 (пожары и засуха) обойдутся России в 1 триллион рублей (“Коммерсант-FM”, 08.08.2010).

С каждым днем бедствия нарастал градус общественного недовольства. Возмущало каменное равнодушие властей всех уровней к людской безысходности. “У нас что, в Москве – кризисная ситуация?” – на голубом глазу вопрошал пресс-секретарь столичной мэрии С. Цой, объясняя отсутствие градоначальника на рабочем месте (“Бизнес-FM”, 07.08.2010). Как раз в тот самый день специалисты предупредили, что ситуация в Москве близка к экологической катастрофе!

Пожары, унесшие жизни двух десятков жителей Нижегородской области, не помешали В. Шанцеву провести пышную инаугурацию. Правда, от “ликующих” горожан торжество пришлось отгородить милицейскими кордонами, оцепившими целый квартал в центре Нижнего Новгорода (“Независимая газета”, 10.08.2010).

Олимпийское равнодушие и бездействие “випов” еще больше раздражало измученных, обозленных людей. Замеры общественного мнения можно было делать вживую: радиостанции широко использовали интерактивные методы – и день ото дня звонки в студию становились все отчаяннее и резче.

Венцом стало обращение блогера из Тверской области в редакцию “Эха Москвы”. Используя ненормативную лексику, он напоминал руководителям, что в советские времена в его деревне было три пожарных пруда, пожарная машина и рында – для оповещения о возгорании. При новой власти пруды засыпали землей, а территорию продали дачникам. Пожарная машина исчезла, а вместо рынды поставили телефон, который не работает. “На х... нам какой-то информационный центр в Сколково, если у нас пожарных машин элементарных нет?” – вопрошал блогер. И требовал: “Верните мне, б..., мою рынду, суки, и заберите свой телефон на х...” (цит. по: “Новая газета”, № 86, 2010).

Так с властью у нас не разговаривали! Хотя первые матерки появились в блогсфере после взрывов в метро. Но тогда это прошло незамеченным. А теперь на обращение блогера ответил В. Путин, тем самым “легитимизировав” подобный тон.

Главред “Эха Москвы” А. Венедиктов, переславший письмо премьеру, сопроводил его запиской: “Народ негодует” (“Коммерсантъ”, 05.08.2010).

В те дни в эфире и в прессе звучало немало подобных заявлений. “Горит вся страна, вся система политической власти!” – утверждал опальный мэр Мурманска С. Субботин (“Коммерсантъ”, 31.07.2010). “Переименовать партию Путина из “Единой России” в “Сожженную Россию”, – предлагал слушатель “Эха Москвы” (06.08.2010). “Агония режима” – аршинными буквами вынесла заголовок на первую полосу газета “Наша версия” (№ 30, 2010).

Пожары оказались последним звеном в череде несчастий и катастроф, обличающих недееспособность власти. Они зловеще высветили ряд поминальных дат, не замечавшихся в августе, – гибель “Курска”, пожар на Останкинской башне, аварию на Саяно-Шушенской ГЭС. И слились с трагедиями года нынешнего – взрывами в метро, войной на Кавказе.

То, о чем говорила оппозиция, внезапно стало понятно всем. Билась годами без особого, надо признать, успеха. Но когда дым, в буквальном смысле слова, взял людей за горло, у них открылись глаза: власть ужаснее некомпетентна и неэффективна.

Конечно, пожар – стихийное бедствие. От него не застрахованы и более благополучные страны. Огненные бури бушевали в Калифорнии, Австралии, Греции. Но в нашем случае поражала абсолютная неготовность служб самого разного уровня – от государственного до муниципального. Неготовность Системы. Еще страшнее: бессилие Системы.

Внезапно выяснилось: все развалено! Развалено лесное хозяйство. Дозвонившийся до “Эха Москвы” лесник с горечью говорил: “В лесхозе на 70 га леса было 32 человека. Сейчас осталось два человека” (06.08.2010). Развалена служба предупреждения пожаров: Государственную лесную охрану ликвидировали три года назад. Федеральная служба по надзору в сфере природопользования, на которую возложили ее функции, оказалась не в состоянии обеспечить охрану лесов. У нее нет ни кадров, ни техники (“Ведомости”, 02.08.2010). Развалено

сельское хозяйство. Геннадий Зюганов ко времени напомнил: “В России 41 миллион гектаров зарос лопухом, бурьяном и сухой травой, поэтому все это и превращается в сплошной пожар” (“Наша версия”, № 30. 2010).

Развалена армия, которую в советские времена привлекали к пожаротушению. Материал на сей счет опубликовала “НГ”. В 2010-м в борьбе со стихией участвовало два трубопроводных батальона. Они развернули 60 км полевых магистральных трубопроводов (ПМТ). В 1972 году торфяные пожары тушили несколько десятков батальонов, которые развернули 1 300 км ПМТ (“Независимая газета”, 09.08.2010). Что называется, почувствуйте разницу!

Развал структур сопровождается чудовищным разворыванием имущества. Подключили к тушению авиацию МЧС, хватились – а авиационный бензин кончился. Разворовали! (Радиостанция “Комсомольская правда”, 02.08.2010). Бросились искать деньги, ежегодно выделяемые на борьбу с пожарами, – их и след простыл (“Московская правда”, 03.08.2010).

Кстати, правительство похвально щедростью: выделено аж 2 млрд рублей. Дотошные газетчики разделили эту сумму на 83 – количество субъектов Федерации. Вышло в среднем по 24 млн. Эти деньги разделили на 31 тысячу – количество муниципальных образований. Получилось 64,5 тысячи рублей. Мизерные деньги, которые еще надо поделить между муниципальными поселениями. В итоге до конкретного получателя доходят копейки (“Новая газета”, № 86, 2010).

Но именно на местные администрации и возложили основные функции по борьбе с пожарами. И основную ответственность за неудачи. Побывав в Нижегородской области, премьер “в ультимативной форме предложил главам муниципальных образований, к которым есть претензии населения, добровольно сложить с себя полномочия” (“Коммерсантъ”, 31.07.2010). Претензии к ним, разумеется, есть, да только денег у них нету! Кому, как не Путину, знать: ведь он же распределяет средства.

“Региональные власти виновны в этом (пожарах. – А. К.) меньше всего, – возмущается лидер партии “Яблоко” С. Митрохин. – Должна проводиться федеральная политика, прежде всего, экологическая”. Митрохин напоминает о персональной ответственности “национального лидера” за ситуацию с экологией: “Путин, придя к власти, упразднил экологическое министерство” (“Коммерсантъ”, 31.07.2010).

Если правду договаривать до конца, следует вспомнить, что подпись Владимира Владимировича стоит под Лесным кодексом, который снял ответственность за охрану лесов с государства. “Кто учредил новый Лесной кодекс, согласно которому за лес отвечают арендаторы, а не государство? – вопрошает знаменитый эколог, член-корреспондент РАН Алексей Яблоков. – Именно государство испокон веков, начиная со времен Петра I, боролось с лесными пожарами. Но потом все это было специально порушено с помощью такой вот нехитрой идеологии: мол, государство должно уйти из лесов, а арендаторы должны отвечать за них” (“Наша версия”, № 30, 2010).

Вот оно, торжество теории экономического либерализма, столь любезной сердцу Путина и его великого визиря – вице-премьера и министра финансов В. Кудрина. Когда оппозиционные экономисты, публицисты, политики предупреждали об опасности неолиберализма, обыватели досадливо отмахивались: “Не напрягайте!”. Им казалось, что эта теория – как и все прочее – вещь отвлеченная, выдумка праздного ума. К реальной жизни она, дескать, отношения не имеет.

Поэтому, несмотря на предупреждения, большинство голосовало за Путина и “Единую Россию” и на всякую инициативу партии и правительства реагировало коллективным “одобрямс”.

В августе выяснилось: и экономические теории, и политика связаны с жизнью каждого. Да так крепко, будто их завязали морским узлом! Аукнулось все – управляемая демократия, отсутствие общественной (в том числе профессиональной) экспертизы проектов, бездумное голосование за любой закон, спущенный сверху (тот же Лесной кодекс). Как

язвительно заметил “МК”: “Пока парламент не место для дискуссий”, Россия – место для пожаров” (“МК”, 11.08.2010).

Стихийный урок политграмоты оказался на редкость эффективным. Опросы, проведенные основными социологическими службами, показывают, что уже в июле уровень доверия к тандему упал до рекордно низких значений. По данным Фонда общественного мнения, падение составило 10% у Медведева и 8% у Путина (“МК”, 11.08.2010). По итогам августа аналитики прогнозируют дальнейшее падение.

Известный специалист по элитам О. Крыштановская, несмотря на лояльность к нынешней власти, вынуждена признать: “Экстремальная обстановка в стране показала слабость российской управленческой системы” (“Независимая газета”, 05.08.2010).

О том же, но куда более красноречиво, высказался главный редактор “Московской правды” Ш. Мулоджанов: “Авральная ситуация всегда особенно ярко проявляет главные слабости системы. Вот и нынешнее сверхжаркое лето еще заметнее обозначило прорехи на властном кафтане. Горят не отдельные торфяники или лесные угодья – целые регионы... Что предпринимает “вертикаль власти”? Очередные селекторные совещания, готовность “принять необходимые меры” (здесь и далее “Московская правда”, 03.08.2010).

С необычной для него резкостью главред характеризует политику тандема: “Завиральные идеи, финансирование пустых проектов, замалчивание острых социальных, экономических, политических проблем, имитация борьбы с коррупцией и тотальным казнокрадством – вот, на мой взгляд, главные черты нынешнего курса”.

Поистине, если даже такие осторожные люди, как Мулоджанов, отваживаются на столь резкую критику верхов, то это означает, что недалеко до катастрофы.

В заключение статьи, язвительно озаглавленной “По ком дымит Сколково”, редактор “Московской правды” напрямую обращается к руководителям: “Вы пробовали вообще когда-нибудь посмотреть на родную страну не из кабинетов и с трибуны, не в выставочных залах и на мониторах, а живую, по-честному? Печальная, смею намекнуть, картина”.

На первый взгляд, этот упрек в случае с Путиным несправедлив. Если президент счел момент подходящим для презентации очередной идеи – переименования милиции в полицию (что даже не смешно!), то премьер трудился на совесть. Выезжал на “выжженную землю”, не уклонялся от трудного разговора с людьми, потерявшими все: дома, сбережения, одежду.

О том, как проходили такие встречи, рассказали корреспонденты. “МК” в статье, пафосно озаглавленной “Пожар народного гнева”, сообщал, что жители города Выкса побили своего главу и пытались наброситься с кулаками на неизменного любимца публики – главу МЧС С. Шойгу (“МК”, 31.07.2010). Корреспондент “Коммерсанта” уточнял: досталось и губернатору. “А товарища Шанцева надо бы поддержать за одно место...”

– Долой его, – кричали в толпе.

– Долой! Нет, в тюрьму” (здесь и далее: “Коммерсантъ”, 31.07.2010).

Несладко пришлось и Путину: “Когда премьер выходил с совещания, толпа снова обступила его. На этот раз у них было гораздо больше агрессии. Один человек что-то сказал премьеру, отчего тот повернулся и даже двинулся к нему, но потом взял себя в руки, отвернулся и пошел к машине”.

Для того чтобы выйти на такой разговор с народом, требуется, помимо прочего, непоказное мужество. Поведение Путина вызывало уважение. Даже если помнить о его личной ответственности за трагедию.

К сожалению, премьеру не удалось удержаться на взятой высоте. Уже его поездка в Рязанскую область 10 августа носила рекламный характер. Понятно, мало кто на его месте удержался бы от соблазна посетить погорельцев, только что вселившихся в новое жилье. И хотя осчастливили всего одну семью, картинка получалась великолепная: в конце июля премьер пообещал людям жилье – в начале августа они его получили.

* Скандальная обмолвка спикера Госдумы единоросса Б. Грызлова. Он спроста и не знал, что само слово “парламент” (от французского parler – говорить) прямо предполагает ведение дискуссий.

А когда Путин сел за штурвал Бе-200 и под прицелами телекамер собственноручно сбросил воду на очаг возгорания, стало ясно: перед нами эффектное начало избирательной кампании-2012. Жаль, никто не объяснил Владимиру Владимировичу, что в такой ситуации эффекты не просто не нужны – противопоказаны. Строжайше! Демонстрировать телевизионщикам крутизну, пиариться на беде – решение не из лучших!

Могут возразить: а вам не приходило в голову, что тут не пиар, а естественный порыв сильного человека в очередной раз испытать себя – удастся ли совладать с многотонной машиной?

Что же, не исключен и порыв. Но, во-первых, зачем тогда телевизионщики? Внимание телекамер автоматически переводит частное человеческое стремление в публичную акцию. Во-вторых, премьер не имел права рисковать – ни собою, ни командой Бе-200. Трагедия под Смоленском свежа в памяти. Сколько обличительных слов было высказано в адрес покойного президента Польши! Меньше всего хотел бы выступить адвокатом Качиньского. Но Путин поступил еще менее ответственно: если польский руководитель, как предполагают, оказывал на пилотов словесное давление, то российский премьер подменил одного из них (причем, по мнению некоторых экспертов, смотревших трансляцию, не второго, а первого пилота), что подвергло риску всех находившихся на борту, да и тех, кого Путин “спасал” на земле.

Но главное даже не в этом. Увы, мораль сегодня не в цене не только у власть имущих, но и у населения. И для него решающие соображения – не этические, а практические. О их и поговорим.

Метания Путина по стране с предельной наглядностью демонстрировали неработоспособность, бессилие вертикали. Которую выстроил сам “национальный лидер” и которая считалась чуть ли не главным его достижением. “Восстановил управляемость”, – патетически провозглашала политологическая обслуга. И что от той “управляемости” осталось? Губернаторов и градоначальников приходилось чуть ли не за шиворот вытаскивать из отпусков и насильно усаживать в рабочие кресла: “Действуйте!” Без верховной команды, да что там, без окрика, не делалось ни-че-го! Путину приходилось лично перезапускать управленческий процесс в каждом пострадавшем от огня регионе.

Между прочим, французский политический мыслитель А. Кожев, автор знаменитой книги “Понятие власти” (пер. с фр.: М., 2007), специально подчеркивал, что подлинная власть не требует личного присутствия лица, отдающего команды. “Проводимость” системы, ее способность четко реагировать на распоряжения на расстоянии является главным показателем наличия власти.

Но и без философских определений ясно: руководитель страны не может и не должен, подобно Фигаро, являться здесь и там, подменяя своих уклоняющихся от ответственности и работы подчиненных. Если же ему приходится заниматься подобной деятельностью, то это означает, что созданная им система не функционирует.

Александр Проханов с изяществом политического художника сформулировал парадокс конструкции, выстроенной Путиным: “Эта власть правит в стране, где нет власти” (“Особое мнение”, “Эхо Москвы”, 04.08.2010). “Она не может мобилизовать страну”, – подытожил писатель.

Путин фактически сам признал неудачу, отдав курьезное распоряжение об установке веб-камер на местах возведения жилья для погорельцев. Премьер подчеркнул, что изображение должно поступать в три адреса: на сайт правительства, в его личный кабинет и в его загородную резиденцию. “Отключение кабельного наблюдения... буду рассматривать как чрезвычайную ситуацию с выездом на место спецкомиссии из Москвы” (“Коммерсантъ”, 05.08.2010).

Строгость, конечно, хороша. Высокие технологии еще лучше. Но не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы уразуметь: негоже премьеру подменять рядового прораба. А заодно начальника строительства, главу района, губернатора, министров. Не его это дело. Его дело – заставить, заинтересовать, побудить работать всю эту прорву людей, все винтики, сочленения и приводные ремни системы. Работать в режиме самовоспроизводства, который делает излишним понукание и прочее воздействие извне.

Что же до “кабельного наблюдения”, то можно представить, какие картинки запечатлеет веб-камера, установленная на деревенской окраине. Утром на стройплощадку наведается коза. Пощиплет травку, потрется лбом о возведенный в авральном порядке фундамент. Вечером, возвращаясь из застолья, забредет подгулявший мужичок да и справит нужду.

И все это будут транслировать в Дом правительства. Несчастливая страна!..

... Среди откликнувшихся на августовскую трагедию был известный шоумен Д. Быков. Его статья в “Новой газете” среди прочего примечательна тем, что, не любя русское направление вообще и Валентина Распутина как его наиболее талантливого выразителя в частности, Быков на сей раз отдает должное повести “Пожар”. Объявляет ее чуть ли не провидческим произведением.

Видимо, огонь очистил сознание даже таких “маньеристов”, как Быков.

Размышляя о воздействии этого пламени на судьбу страны, Быков пишет: “Многое сгорит. Вера во власть и ее всеилие; вера в стабильность и ее благотворность; вера в патернализм; отождествление патриотизма с лояльностью; уверенность в благотворности запретов... И уж что, безусловно, сгорит – так это уверенность в том, что можно протянуть в таком полусонном состоянии еще десять, двенадцать, пятнадцать лет. Нельзя. Не та страна. В некоторый момент осыпание переходит в обрушение” (“Новая газета”, № 86, 2010).

Эффектно! Хотя и не со всем поспешу согласиться. Упрек в адрес страны, пусть и косвенный, несправедлив: дело не стране, а в Системе. Не стану осуждать стабильность – после катастрофических девяностых! Плоха не она, а тот симулякр стабильности, которым Система подменила подлинную устойчивость. Не стал бы даже осуждать запреты – разумные, к примеру: не жечь в этукую сушь траву. А вот дурацкие, вроде запрета на проведение акций в поддержку... Конституции, которые власть объявляет каждое 31-е число, отверг бы без колебаний.

Но в чем приходится согласиться с Быковым, так это в диагнозе: протянуть в этом состоянии ни двенадцать, ни даже десять лет невозможно.

И все же закончу этот сюжет не Быковым, а дорогим для меня Александром Блоком. В его “Дневнике” есть запись, поразительно созвучная нынешней ситуации:

– Спасайте, спасайте!

– Что спасать?

– “Россию”, “Родину”, “Отечество”, не знаю, что и как назвать... Но – спасайте! Желто-бурые клубы дыма уже подходят к деревьям, широкими полосами вспыхивают кусты и трава, а дождя Бог не посылает, и хлеба нет, и то, что есть, сгорит.

Такие же желто-бурые клубы, за которыми тление и горение (как под Парголовым и Шуваловым, отчего по ночам весь город всегда окутан гарью), стелются в миллионах душ, пламя вражды, дикости, татарщины, злобы, унижения, забитости, недоверия, мести – то там, то здесь вспыхивает...” (“Я лучшей доли не искал”. Судьба Александра Блока в письмах, дневниках, воспоминаниях. М., 1988).

Запись датирована 6 августа 1917 года. Что случилось три месяца спустя, хорошо известно.

(Окончание главы в следующем номере)